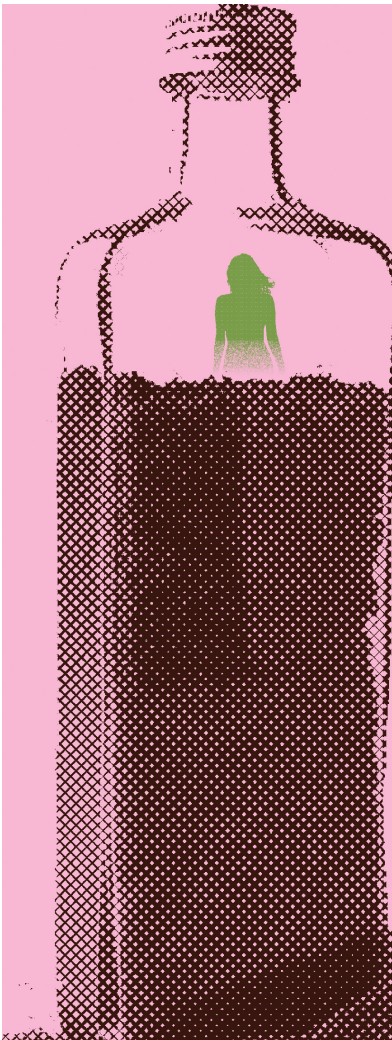

ДОЛОРЕС РЕЙЕС 18+ ЗЕМЛЕДКА

«Мощный роман,
полный нежности,
боли и тайны,
в котором искусно
переплетаются
социальное с обостренно
личным, магическое —
с повседневным»
— El Libro Durmiente

Перевод Анны Берковой

Долорес Рейес

Землеедка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74331606

Землеедка: Лайвбук; Москва; 2026

ISBN 978-5-907784-77-2

Аннотация

Захватывающий и провокационный, тревожный и вдохновляющий роман о девушке из аргентинских трущоб, обладающей особым даром. В детстве Землеедка наглоталась грязи, и ей пришлось первое видение про смерть матери. Шокированная увиденным, она решила сохранить свои способности в тайне.

Но и спустя годы слухи о том, что она знает про убитых и исчезнувших, ползут по общине. Отчаявшиеся жители не перестают оставлять у ее дверей бутылки с землей – в надежде раскрыть правду о своих близких. Даже со своим парнем-полицейским, она знакомится тогда, когда у него пропадает сестра...

Содержание

Первая часть	14
1	14
2	19
3	23
4	29
5	34
6	39
7	40
8	44
9	49
10	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Долорес Рейес

Землеедка

Dolores Reyes
Cometierra

Благодарим Сергея Верескова, открывшего для нас эту книгу.

Copyright © Dolores Reyes, 2019

© Editorial Sigilo, 2019

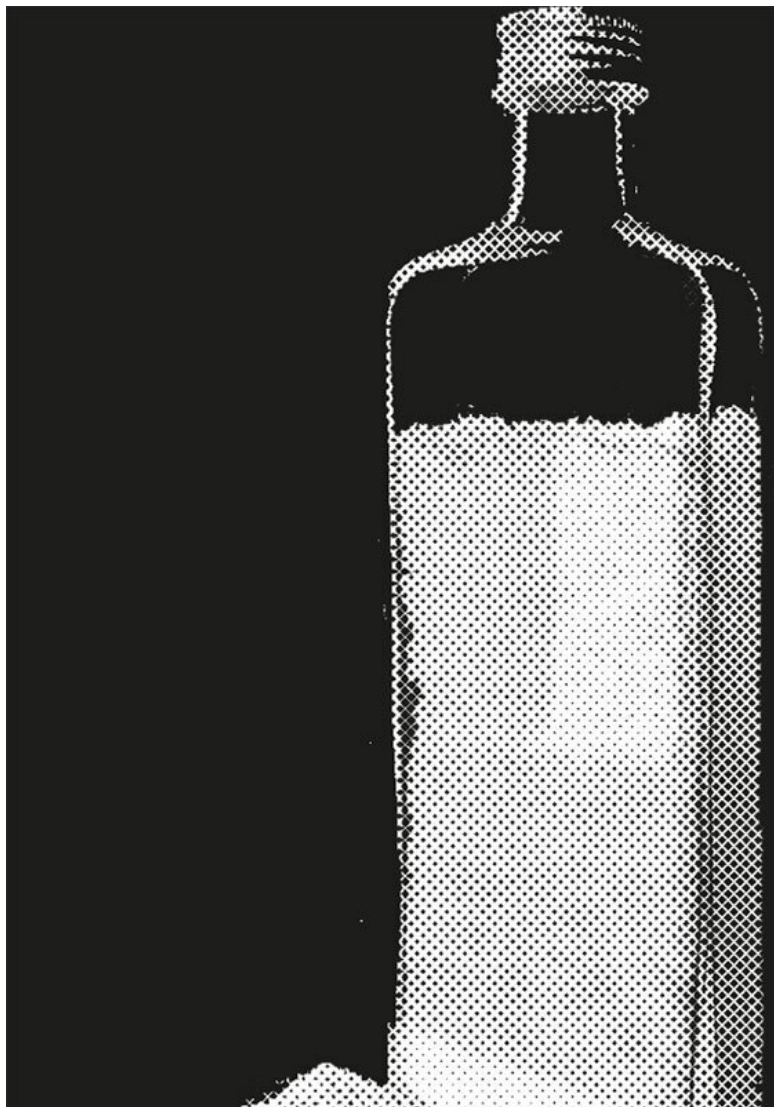
c/o Indent Literary Agency

www.indentagency.com

© Анна Беркова, перевод на русский язык, 2025

© Briona Baker

© Издание на русском языке Livebook Publishing LTD,
2026

Землеедка рассказывает:

«Я растянулась на земле с закрытыми глазами. Уже давно я знала, что из этого мрака рождаются образы. Мне хотелось увидеть их и забыть обо всем остальном, даже о том, что болит живот. Сначала была пустота, потом вспыхнул огонек — я смотрела на него так пристально, что он превратился в пару блестящих черных глаз. И мало-помалу, словно сотканное ночью, передо мной проявилось лицо Мариш, ее плечи и волосы, выплывшие из сгустившейся тьмы — самой глубокой, какую мне доводилось видеть».

Подобные вымышленные события могли бы происходить в любом бедном районе на окраинах аргентинской столицы — таких отличных от самого города, пусть и отстоящих от него всего на пару километров. В одной из хлипких нищих лачуг, построенных на голой земле, живут вдвоем Землеедка и ее брат Вальтер.

Когда Землеедка была маленькой, она как-то раз наелась земли; после этого во сне она увидела, как ее папа кулаками насмерть забил маму. Но это было лишь первым из череды многих ее видений. Полученный при рождении дар накладывает особые обязательства по отношению к окружающим, а дар Землеедки сделал ее жизнь вдвойне трудной, потому что она живет в таком районе, где повсеместно процветают насилие, безнаказанность и несправедливость, главными жерт-

вами которых, как правило, становятся женщины. Земледе-
ке предстоит искать свой собственный путь – в стремлении
добиться правды, в обретении любви, в заботе о брате.

* * *

*Посвящается памяти Мелины Ромеро и Арасели
Рамос.*

*Жертвам женоубийства и тем, кому повезло
остаться в живых.*

*Ты тот, кто поберег лишь добрые слова для
мертвых.*

Леопольдо Мария Панеро

*На что способно тело, еще никто не определил.
Бенедикт Спиноза*

– Покойники не разгуливают среди живых. Ты должна на-
конец понять.

– Все равно. Мама здесь, у меня дома, в земле.

– Угомонись уже! Все ждут только тебя.

Если меня не слушают, я начинаю есть землю.

Раньше я ее ела для себя, от злости, наперекор, потому
что я им мешала, им было за меня стыдно. Твердили, что
земля, дескать, грязная, и у меня раздует живот, как у жабы.

– Вставай сейчас же! И хоть немного умойся.

А потом я начала есть землю ради других – тех, кто хочет

говорить. Тех, кто ушел.

– Для чего, по-твоему, нужно кладбище? Чтобы хоронить людей. Одевайся!

– А мне плевать на людей! Мама только моя. Мама останется здесь.

– Выглядишь как пугало. Хоть бы причесалась...

Я обвела взглядом комнату: мама все собиралась облицевать стены кирпичом. Высоко наверху – серая железная крыша. Пол, моя кровать и тот угол, где она укладывалась спать, когда старик буянил.

«Теперь там никогда никого не будет», – думаю я и закрываю голову подушкой. Мама причесывала меня, стригла мне волосы.

– Ждешь, пока мы тебя волоком потащим? Не придуривайся! Постыдилась бы капризничать в такой-то день.

Я рывком сажусь на кровати, длинные волосы закрыли мне лицо, разметались по майке, закрыв ее до самых трусиков. Я нагибаюсь. Ищу кеды, вчерашние штаны – хотя вряд ли они прилично выглядят. И стараюсь сдержать слезы, так, чтобы осталась одна лишь ярость, от которой все тело сводит судорогой.

Чтобы попасть в ванную, мне нужно выйти из комнаты. Пройти сквозь толпу людей, заполонивших мой дом: соседи роятся, как мошки, курят и мелют всякий вздор.

Вальтер наверняка взбунтовался. Его-то никто не терпит.

Мы с мамой больше не будем вместе.

Натягиваю штаны, заправляю в них футболку. Застегиваю пуговицу, поднимаю язычок молнии, глядя в упор на тетку. Может, она хоть на секунду прекратит меня доставать.

Если я согласилась встать, выйти из комнаты и тащиться следом за лесом рук, несущих тело на куске ткани, то лишь потому, что мне все осточертело. Хочу, чтобы они наконец убрались из моего дома.

Вальтер отказался пойти.

Вижу, как в полной тишине мама падает в яму, вырытую в той части кладбища, где находятся могилы бедняков. Ни надгробных плит, ни бронзовых статуй. Среди зарослей тростника – дыра в сухой земле, которая поглощает тело. Земля, разверстая, как рана. И я – пытаюсь задержать маму, цепляюсь руками, напрягаю все мышцы, но я такая маленькая, что могила даже в ширину больше моего роста. И мама все равно падает.

Мои усилия – такие слабые – ничего не меняют.

Земля наваливается на нее со всех сторон, как удары старика, а я лежу, прижавшись к земле, как всегда, рядом с этим телом, которое сейчас у меня отняли.

Слышны голоса, люди молятся.

Зачем? Ведь в конце концов останется одна лишь земля.

Мы с мамой больше не будем вместе.

Она уже внизу. Ее закапывают. Прижавшись ухом к земле, я смотрю. Я все еще могу дышать. А раньше мне казалось,

что не смогу, что ребра проткнут мне легкие.

В моих кошмарах навсегда останется звук этого места, смрадный осадок горя и боли.

Даже само солнце ранит мне кожу и будто истекает моею же кровью. А глаза будто залили кислотой – они саднят от усилий сдерживать слезы.

Желтый – цвет отбросов и лихорадки, или серый – серое железо, нездоровый оттенок боли. Кажется, только боль никогда не умирает и не кончается.

Они бросят тебя там, мама, даже если я буду протестовать. Даже если мои руки попытаются помешать, ты все равно останешься там.

Я мало что могу: могу только есть землю с этого места, и пусть она не станет мне врагом – незнакомая земля с кладбища, где мы с мамой никогда прежде не бывали.

Мама останется здесь, а я унесу в себе частичку этой земли, чтобы в темноте смотреть сны.

Закрываю глаза, опираюсь руками о землю, которая только что укрыла тебя, мама, и для меня наступает ночь. Хватаю горсть, сжимаю кулаки и подношу ко рту. Поглотившая тебя земля пропитана темной силой и на вкус – как старая древесина. Она мне нравится, она раскроется передо мной, она позволит мне видеть.

Светает? Нет, это солнце обжигает мне глаза и кожу. Земля словно впрыскивает в меня яд.

Люди говорят:

– Вставай, Землеедка, вставай сейчас же. Отпусти ее, дай ей уйти.

Но я не открываю глаз. Борюсь с тошнотой, но продолжаю глотать землю. Я не уйду, пока не увижу, пока не узнаю.

Кто-то произносит:

– Что, даже на гроб денег не наскребли?

И я открываю глаза.

Мама, тебя бросили в яму, завернули в кусок ткани, будто в половую тряпку. Кто теперь со мной станет говорить? Без тебя я – ничто, я не хочу жить. Станет ли земля со мной говорить? Но она уже все сказала.

Ее избили. Я вижу удары, хоть и не чувствую их. Яростные кулаки, вонзающиеся в плоть. Вижу папу: у него такие же пальцы, как у меня, руки достаточно сильные, чтобы сжаться в кулак и крюком впиться в твое сердце и тело. И тогда нечто изливается потоком, как река.

Ты умерла, мама, и бросила нас двоих.

– Вставай, Землеедка, вставай сейчас же. Отпусти ее, дай ей уйти.

Первая часть

1

Вальтер был добрым, не то что тетка. Он усаживался на мою постель, слушал, мало говорил. Не сердился, если я иногда забирала подушку и укладывалась спать на полу под кроватью, и тогда доски и матрас казались мне потолком в домике, построенном для меня одной. Вальтер сидел со мной, подолгу, часами. Он ждал.

А я слушала шорохи дома и потихоньку росла.

Порой брат спрашивал меня о папе. «Старик», так он его называл. Интересовался, не заходил ли он, не видела ли я его.

– Я ничего не знаю про папу. Хочешь, спрошу у земли?

– Нет, – неизменно отвечал Вальтер. – Тебе будет плохо.

Как-то раз я дождалась, когда тетка уйдет за продуктами, и выбралась наружу. Надеялась найти Вальтера в соседней комнате. Большую кровать уже успели вынести.

«Я совсем одна, – подумала я. – А вдруг тетка и Вальтер больше не вернутся?»

В кухне я раздобыла банку горошка. Я поленилась вытаскивать горошинки по одной и вывалила содержимое прямо посреди стола. От кучки в центре по сторонам побежали

струйки вязкой жижи. Мне хотелось есть, но было нельзя. Нужно, чтобы живот оставался пустым. Я поискала ножик и в ящике наткнулась на открывашку, прежде принадлежавшую моему старику.

Чтобы спросить о нем у земли, мне нужен был какой-то связанный с ним предмет, а тетка и Вальтер постарались уничтожить все следы его пребывания в доме и в моей жизни. Даже кровать и ту не оставили. Я схватила открывашку и стала смотреть на нее. А потом – довольная, будто обрела сокровище, – спрятала ее в карман шорт.

Я вышла из дома: босая, с распущенными волосами, с открывашкой в кармане, с пустой банкой в одной руке и ножиком – в другой.

Усевшись на землю, я провела по ней рукой, вонзила нож и вытащила его. Мне понравилось. Я снова воткнула ножик, но теперь не сразу достала его, а попробовала им двигать, мало-помалу раскапывая землю, разрыхляя и ослабляя ее. Сама по себе земля сильная и твердая, но она мне разрешила так делать. Когда появилось отверстие, я сунула в него руку и сжала пальцы. Земля в моем кулаке. Я высыпала ее прямо на шорты. Рыхля землю, я собирала ее там в кучку. Потом вытащила из кармана открывашку старика и поместила ее в образовавшуюся ямку. Положив ее в центре, я горстями начала засыпать отверстие, пока, утрамбовав, не закрыла его целиком. Руки я обтерла о шорты и голые ноги.

Когда я сидела, мои волосы доставали до пола. И цветом

они сливались с той землей, на которой жили.

Мне бы хотелось, чтобы на поверхность вылез хоть какой-нибудь червяк, чтобы составить мне компанию, но этого не случилось. Я все равно подождала, глядя на свои руки, ноги и ножик. А потом собрала все – землю и открывашку – и вспомнила тот последний раз, когда старик откупоривал пиво.

Думать про это оказалось больно. С раздражением я положила все в банку.

Помедлив, зашла в дом. Часть маринада от горошка пролилась на пол. Вытащив стул, я уселась, держа банку в одной руке и развернув другую ладонью вверх. Я собиралась потрясти немного земли в открытую ладонь, но высыпалось все содержимое жестянки – и земля, и открывашка. Часть земли оказалась на полу. Остальное я поднесла ко рту и начала есть, изо всех сил желая снова увидеть папу. Положив землю на язык, я закрыла рот и попыталась проглотить. Чувствовалось, что земля перестала быть чем-то бездушным в моей руке и обернулась внутри меня живым существом – стала другом; я продолжала есть. Когда ничего не осталось, я взяла открывашку и дочиста облизала ее.

Мой живот отяжелел от земли, и я закрыла глаза.

* * *

– Папа жив, – объявила я Вальтеру и тетке. Они стояли

передо мной и молча смотрели. Я думала, они обрадуются, но нет. Они молчали. Будто оцепенели. Я подбежала к Вальтеру и обняла его.

– Какого черта ты там натворила, идиотка? – сказала тетка, хватая меня за руку и пытаясь отцепить от брата.

– Вальтер, папа жив, – повторяла я, пока тетка оттаскивала меня в сторону.

Брат подошел ближе и за руку отвел в ванную. Оставив открытым кран, обтер мне ноги губкой. А потом Вальтер – он мыл мои плечи и руки – заставил меня пообещать, что я больше никогда не буду есть землю.

Когда я дала слово, брат погладил меня по голове. Не знаю, то ли он был выше, то ли я, ощущая его ладонь на своей голове, вдруг стала меньше ростом.

– А теперь почисти зубы, – велел он и вышел, оставив меня одну.

Я посмотрелась в зеркало и улыбнулась: мои зубы были испачканы глиной. Я вспомнила, как папа курил свои сигареты, как пахло из его темного рта, и подумала, что они хотят забыть его и, наверное, так будет лучше. Я снова открыла кран, подержала щетку под струей воды, выдавила немного пасты и начала чистить зубы.

Вернувшись на кухню, я сделала последнюю попытку:

– Твой брат жив.

Тетка обернулась и кинула на меня злобный взгляд. Она достала из кармана джинсов пачку сигарет.

– Ты засранка. Увижу еще раз, как жрешь землю, – подпалю тебе язык зажигалкой.

Я так перепугалась, что какое-то время боялась даже ступать по земле и никогда не ходила босиком. Если меня одолевало желание наглотаться земли, я накидывалась на горячую еду – тетка едва успевала снять ее с огня. Я не ждала, пока остынет. Набивала себе рот, чувствуя, как нёбо покрывается волдырями. Язык горел так, что приходилось пить воду стакан за стаканом. Если живот был полон, желание есть землю проходило. А на следующий день я не могла запихнуть в себя ни кусочка и едва разговаривала.

В школе нас со временем прекратили доставать. Больше я не находила земли в своем рюкзаке: раньше, когда я его открывала и вынимала перепачканные тетради, вокруг раздавались сдавленные смешки. А еще одноклассники подкладывали мне на парту начиненные землей обертки от сладкого печенья, которое мне очень нравилось, но оно было дорогим, и я не могла его покупать. Теперь же они лишь изредка украдкой смотрели на меня и молчали.

И все шло хорошо без этой земли.

Пока не пропала учительница, сеньорита Анна.

Сказали, ее ищут за зарослями тростника.

Я же не помогала искать.

Я смотрела в угол школьного двора, где она часто стояла и наблюдала, как Вальтер с приятелями играют в футбол. Она боялась, что какой-нибудь недоумок полезет на дерево у ограды и брякнется вниз.

Я ждала.

А когда полиция перестала рыскать среди лачуг и сорной травы на берегу ручья, я начала свои поиски – на краю двора, в земле, где она стояла в своих красивых сапогах и смотрела, как мы играем.

Без всякой охоты – да я и не знала, способна ли по-прежнему видеть – я водила руками по земле, думая о том, что она пропала. Мне не хотелось ее терять. Я думала о сеньорите Анне как о живой. Представляла себе, как она смеется. Потом я сжала кулак, надеясь, что какая-то частичка ее окажется у меня в руке, у меня во рту.

Принято считать, будто белый пыльник¹ – это красиво, мне же он всегда казался полной хренью. Он страшно пачкался. И теперь обшлага перемазались землей, а на воротник

¹ Белый пыльник – деталь ученической формы в Аргентине, типичная для государственных школ; в частных школах пыльники обычно цветные. – *Здесь и далее прим. пер.*

и грудь смотреть было тошно.

По пути домой я вспомнила про тетку с ее сигаретами и зажигалкой. Сняв пыльник, я скомкала его в шарик и спрятала среди растений. А тетке сказала, что потеряла в школе, когда меня заставили его снять на уроке физкультуры.

– Знаешь что, дорогуша, я от вас устала, – ответила она. – Я приехала присмотреть за вами, потому что твоя старуха померла, а мой брат исчез, но вам на меня плевать с высокой башни.

Она продолжала готовить еду на кухне, и я уже не понимала, говорит ли она со мной или сама с собой:

– Терпеть не могу детей, поэтому и своих не завела.

Я пошла за стол ждать, пока ее не отпустит, и больше не слушала. Вскоре появился Вальтер и уселся рядом. Когда Вальтер приходил усталый, он разваливался на стуле, широко расставив ноги.

Тетка вышла из кухни с кастрюлей.

– Поставь-ка тарелки, – обратилась она к Вальтеру. – А ты достань три стакана и три вилки.

Когда мы уже собирались подняться, она положила руку мне на запястье и сказала:

– Еще хоть раз замечу, что вы на меня чихать хотели, – все, финиш. Ясно вам?

– Эй ты, там у окна, та, что рисует, ну-ка иди сюда! – сказал школьный сторож на следующий день. Его отправили за мной. Я даже возражать не стала. Знала, что мало не покажется. Взяв двумя руками рисунок, я зашагала следом за сторожем в канцелярию. Все на меня пялились.

Там обнаружилась моя тетка. Она, ни о чем не подозревая, пришла выяснять насчет якобы потерянного пыльника.

– Что случилось? – спросила я. – Почему ты так на меня смотришь?

Это был последний раз, когда тетка на меня смотрела, потому что потом они с директрисой увидели рисунок и сразу про меня забыли.

Там была изображена сеньорита Анна, с таким лицом, как мне запомнилась, а не с таким, с каким ходила по школе. Я нарисовала ее так, как мне показала земля: без одежды, с раскоряченными и задранными в стороны ногами, от чего ее тело казалось меньше, как у лягушки. Ее руки были связаны за спиной и прикованы к опоре какого-то ангара с цветной вывеской «Стройматериалы Панда».

– О чем, черт подери, ты думала, когда лопала землю на глазах у всей школы? – сказала мне тетка дома, отвесив подзатыльник.

Когда на следующий день на территории «Стройматери-

алов Панда» нашли тело сеньориты Анны, тетка смоталась. Мы с Вальтером больше никогда о ней не слышали.

Школу я не посещала. Так и жили: Вальтер, его приятели – которые приходили и уходили – и я.

Полдня я валялась то в постели, то на диване у входа. Брат устроился на работу в автомастерской. Бывало, он уходил в свою мастерскую, я лежала на диване. И когда он возвращался, я так и торчала на том же диване, разглядывая свои ноги.

Я думала: «Ну почему же земля рассказывает именно мне?»

Вальтер никогда мне ничего не говорил. Около полудня он приносил какой-нибудь еды для нас двоих, а потом возвращался в мастерскую. Он переживал из-за того, что пришлось бросить школу, но сделать ничего не мог, так что ему осталось только переживать. Половина ребят в нашем квартале тоже бросили учебу. А я и не работала, и не была беременна. Просто валялась целыми днями и иногда проходила с веником по дому, чтобы мы по уши не заросли уж не знаю, чем именно.

Единственные, кто у нас появлялся, – это друзья Вальтера. Через пять месяцев работы брат купил себе игровую приставку, и с тех пор на все выходные собиралась тусовка – приятели, консоль и пицца. Телевизор у нас тоже был, но кабельное давно отключили. Мы так и не возобновили подписку, так что телевизор служил только монитором для игр.

Единственное, что их всех волновало, – это футбол. Когда транслировали матч, ребята уходили к Эрнану, и я оставалась одна. Эрнан был единственным из приятелей брата, который обращал на меня внимание. Он начал приносить мне музыку, паленые диски – их можно было слушать на той же приставке. Я говорила ему «привет» и «спасибо», больше почти ничего, а он пару раз мне бросил: «С музыкой ты никогда не будешь чувствовать себя одинокой».

Я перестала нормально спать. Поскольку я ничего не делала, то в течение дня несколько раз засыпала, а потом ночью не могла сомкнуть глаз, все ворочалась и думала.

Потихоньку я стала таскать пиво из холодильника, откупоривала его и пила. Открывашка моего старика – только она от него и осталась – всегда была при мне, спрятанная в каком-нибудь кармане. Пиво походило на уютный плед, в чьих объятиях я могла спрятаться целиком, с головы до пят.

Старика я видела только изредка во снах. Тогда я просыпалась и больше заснуть не могла, так что ставила музыку – снова и снова, пока не запиливался очередной компакт-диск. У меня их было двенадцать. У половины из них на футляре красовалась надпись «сборник» и картинка с какой-нибудь полуголой девицей в стрингах. Эти диски я подолгу рассматривала, но слушать предпочитала другие. Они мне больше нравились. Потом пиво заканчивалось, музыка продолжала играть, и я проваливалась в сон.

Вальтер ни о чем не догадывался, потому что я никогда не

пила с его компанией. Но однажды утром он застучал меня на диване — я крепко спала, а рядом валялись две пустые бутылки. Брат совсем не рассердился.

— Я вечно оставляю тебя одну, — сказал он и присел рядом. У меня раскалывалась голова.

После пробуждения меня еще мутило, поэтому пришлось аккуратно переставлять ноги, контролируя каждый шаг, чтобы дойти до туалета; от рвотных позывов судорожно сжимался желудок.

Мы немного поговорили. Он рассказал, что делал тем вечером, а мне и рассказывать-то было нечего, но я радовалась, что Вальтер рядом.

У меня не было семьи, у меня был Вальтер.

Пару часов мы так и просидели на диване, пока не услышали, как кто-то у решетчатой калитки хлопает в ладоши и зовет нас. Видно было плохо, и мы вышли вдвоем. Уже очень давно мне не доводилось выбираться из дома босиком. Ощущение холодной влажной земли под ногами подействовало лучше, чем если бы я сто раз вымыла лицо.

Когда мы подошли ближе, женщина, которая хлопала в ладоши, заговорила:

— У меня к тебе просьба.

Мы с братом переглянулись, и у меня от ее голоса, будто он был еще одним глотком алкоголя, опять заболела голова. Никто из нас двоих не шелохнулся, а женщина, похоже, вообще не собиралась уходить. Она была очень прилично, даже

элегантно одета.

– Впусти ее, – сказала я Вальтеру, и он сделал шаг вперед, чтобы открыть замок.

– Какая просьба? – спросила я женщину, когда та оказалась во дворе.

– О помощи. Хочу попросить тебя о помощи.

Мы вошли в дом. Там царил жуткий беспорядок, смотреть противно. Темная и грязная, комната напоминала логово дикого зверя, но эта тетка, казалось, видит только меня. Она уселась, не произнеся ни слова, словно чего-то ждала. Похоже, вот так сидеть рядом с нами для нее – важное дело, будто за этим она и пришла.

Когда брат отправился на кухню поставить чайник для матери, женщина спросила:

– Ты же можешь предсказывать, да?

Тихонько так спросила, вроде как по секрету.

– Нет.

– Не ври мне! Ты можешь предсказывать?!

«Вот же зануда!» – решила я. Она мне не нравилась, но ее вопрос заставил меня задуматься. Мне никогда не приходило в голову, что то, что я делаю, можно назвать этим словом. Предсказывать – это какое-то странное занятие, словно веришь, что можешь угадывать номера в лотерее. Ничего общего с тем, чтобы закрыть глаза и увидеть голое тело, лежащее на земле.

– Нет. Раньше предсказывала, а теперь нет.

– А ты пробовала?

Очень кстати вернулся Вальтер, поэтому я не ответила. Как она узнала про нас? А эта особа тем временем продолжала распинаться. Сказала, дескать, нуждается в нашей помощи, что ей говорили, будто здесь, в этом доме, живет ясновидящая; мол, у нее самой полно денег и она готова хорошо заплатить.

– Нам не нужны деньги, – ответила я.

– Но зато ты мне нужна!

Тут вошел Эрнан, ногой толкнув дверь. Мы забыли закрыть калитку на засов, и он прекрасно обошелся без нас. Принес новый диск. Я перепугалась, что он услышит эти бредни про ясновидение.

Я оцепенела, и Вальтер – наверное, он испытывал те же чувства – выставил непрошенную гостью вон.

Перед уходом женщина наклонилась, аккуратно поставила две пустые бутылки, валявшиеся около дивана, и сказала:

– Знаешь, если ты пьешь такую дрянь для собственного удовольствия, почему бы тебе не поесть земли ради кого-то, кому это действительно нужно?

Меня охватило желание вышвырнуть ее пинком, но я не двинулась с места. На Эрнана я боялась даже взглянуть. Я смотрела, как женщина идет через двор, а потом набрала в грудь воздуха и медленно его выдохнула, весь, так что внутри образовалась пустота. Когда Вальтер, заперев замок, вернулся, я смогла снова дышать.

Эрнан поставил диск в консоль. Заиграла музыка.

Она стерегла меня, ожидая, пока Вальтер уйдет, – одна, молчком. Не шелохнувшись. Женщина, разыскивающая своего сына, обернулась невидимкой, как кот, охотящийся на голубку.

Я ее понимала: она кого-то ищет.

Я уже научилась видеть в людях, которые кого-то разыскивают, особые отметины около глаз или около рта – некую застывшую в определенной форме смесь горя, злости, силы и ожидания. Словно в человеке что-то надломилось, и в образовавшейся расселине обитает тот, кто не вернулся домой.

Я открыла дверь и впустила женщину. Она уселась напротив. Поставила на стол круглую банку и уставилась на меня. Даже не моргала. Интересно, что там? Деньги? Конфеты? Мне казалось, что это вполне в духе богатеньких мажоров – запихнуть в банку кучу бабла и шоколадок и сунуть тебе под нос, чтобы ты согласилась, даже если и не хочешь.

Ну не нравилась мне эта баба.

Она заговорила. Сказала, что мужу никогда ни до чего не было дела: дескать, парень может задержаться, может застрять где-то. Это было и раньше, когда Яну исполнилось два, а он еще не научился ходить, то же происходит и теперь, когда ему стукнуло шестнадцать и он не вернулся домой.

Я не хотела ее слушать даже за все шоколадки в мире. Но

она продолжала: его исчезновение сведет ее в могилу, у нее и так все тело болит, даже сильнее, чем при родах.

– Ян, – сказала она, – мой сын. Знаешь, он в жизни не причинил никому зла. Просто был неспособен.

Я боялась, что она никогда не замолчит, и перебила:

– А что в банке?

– Земля.

Я не хотела, но женщина сняла крышку и оставила банку открытой, чтобы воспоминание о земле ослабило мое сопротивление. Изнутри блеснула темная почва, и что-то во мне безмолвно отозвалось.

Сама я не хотела, хотело мое тело. Я дотронулась до банки, словно вопрос был решен, и придвинула ее к себе, не вставая из-за стола.

– Отвернись, – приказала я. – Ты не должна смотреть.

Это ей не слишком понравилось. Помедлив немного, она поднялась и развернула стул. Подглядывать она не пыталась.

Я схватила землю из банки и запихнула ее в рот.

В доме тут же потемнело, будто его затянули черным полотном. Мне захотелось зажечь свет, чтобы нас не поглотил ночной мрак, которым нас окутала земля. Так темно вокруг, такой глубокий колодец, куда никогда не доходит солнечный свет, здесь не жди добра... От страха я уже собралась было остановиться и открыть глаза, как мрак начал рассеиваться, словно кто-то одно за другим снимал полотнища, и глаза постепенно прозрели.

Я мало что видела, но могла отчетливо слышать: звучал ее голос. Голос этой женщины. Она говорила – нет, кричала: «Ян». И после того, как она несколько раз прокричала это имя, в пятне света появился мальчик лет восьми.

Он выглядел вовсе не как краснощекий бутуз. Станный ребенок: казалось, он заблудился, а свет, исходящий из его тела, был тусклым, печальным и болезненным. А тетка все твердила «Ян», не ожидая ответа. Схватив мальчика за руку, она куда-то потащила его. Мне хотелось рассмотреть ребенка, но никак не получалось. Рядом с женщиной возник мужчина и заговорил с ней:

– Нашла его?

– Да. Нельзя оставить ни на секунду, даже чтобы сходить пописать.

– И где он был?

– На заднем дворе, подальше от гостей. Один.

– И кто его туда отвел?

– Я сама и отвела – просто подумала, что уж пять минут он подождет.

Они оба замолчали, словно храня общий секрет – тот секрет, который этому мужчине был вовсе не нужен. Они долго смотрели на ребенка. Наконец мужчина спросил:

– Почему ты оставила его одного?

– Я же не могу взять его с собой в уборную! Ему уже одиннадцать.

– Ну и что, что одиннадцать. Его возраст ничего не зна-

чит, – и оба снова замолчали, словно печальный свет, исходящий от Яна, забрал и их собственные силы.

Затем мужчина начал злиться, голос его окреп:

– Не надо тут мне извиняться! Тебе что, совсем на него плевать?

Мальчик стоял между ними. Потом сдвинулся в сторонку. Казалось, он их даже не слушает, а просто смотрит то вверх, то вдаль. Я попыталась увидеть, на что он смотрит, но ничего не заметила.

Они разговаривали так, будто ребенка и не было рядом. Мне захотелось получше разглядеть его, но он стал ускользать. И голоса начали затухать. Я устала напрягаться, чтобы расслышать, чтобы увидеть, потому что земля явно не желала мне этого показывать.

Я открыла глаза.

Мой дом все еще был погружен во мрак, беспросветный, как ночь, окутавшая мальчика.

– Не срабатывает, – объявила я женщине. – Твоего сына я почти не вижу. А вот тебя вижу. Ты споришь с каким-то типом, который все время спрашивает, почему ты оставила мальчика одного.

Женщина, казалось, загрустила еще сильнее. А потом, внезапно собравшись, ответила:

– Это его отец.

– Ладно, донья, вас двоих я вижу. А вот ребенок от меня скрывается.

Женщина, опустив голову, беззвучно заплакала. Затем открыла сумку – я было подумала, что она хочет чем-нибудь вытереть глаза, – но она вытащила пачку денег и несколько фотографий. Положила снимки на купюры – их, кстати, была целая куча – и подтолкнула стопку ко мне. На фотографиях был тот молокосос. Я посмотрела пару тех, что лежали сверху: мальчишка выглядел постарше, но выражение лица было таким же потерянным.

– Донья, это не работает.

– Ладно, – произнесла она, поднимая голову. – И что нам делать, чтобы сработало?

Эрнан смеялся, сидя на мотоцикле.

– Это недалеко, – сказал он. – Ты что, ни разу там не была?

Я промолчала, ведь в последнее время я даже в магазин не выбиралась.

– Мы уже близко, доехали до шоссе.

Это я знала. Восьмое шоссе. А еще я слышала, что подобные торговые ряды появились пару лет назад, но вот побывать на них не доводилось.

– Поедем в «Мегу» или в «Ферикрейзи»?

Я расхохоталась.

– Мне-то откуда знать? Сам выбирай, где тебе больше нравится.

Огромная вывеска на шоссе гласила «Мега», и за ней проглядывалось столпотворение мотоциклов, машин, людей. Дорога окончательно испоганилась, пришлось объезжать лужи, грязь, мусор.

– Поехали туда, – сказала я Эрнану, указывая на площадку, где останавливались автобусы; из них целыми семьями выходили улыбающиеся посетители.

Эрнан остановил мотоцикл как можно ближе ко входу, и мы слезли. Он вроде что-то мне говорил, но при таком шуме было ничего не слышно.

– Давай зайдем, – предложила я, и мы зашагали вперед.

Это был огромный ангар с цементным полом. Настоящих растений там не наблюдалось, только кошмарные пластиковые цветы. Казалось, будто никогда еще я не находилась так далеко от земли. Мне это не понравилось.

Я открыла рюкзак и, будто понарошку, на секунду показала Эрнану лежащую внутри пачку купюр. У него глаза полезли на лоб:

– Откуда у тебя столько бабок?

– Они мои, и точка. Какая разница? – улыбнулась я.

– Ты что, кого-то грабанула, детка?

Мы оба заржали, как ненормальные.

– Пора пустить их на ветер, – заявила я, помахав в воздухе пачкой купюр по пятьсот песо. Эрнан рассмеялся.

– Да легко! – ответил он и подмигнул.

Мы пошли дальше. Прилавки располагались в четыре ряда, один вплотную к другому. В проходах между рядами толклись люди. Все выглядели очень довольными. На одном углу продавали сладости: засахаренный миндаль, кукурузные хлопья, арахис в шоколаде. Я взяла сахарную вату и попыталась расплатиться своей банкнотой по пятьсот. «Нет сдачи», – сказала продавщица. Тогда Эрнан вытащил бумажку в двадцать песо и заплатил за меня. А я свои деньги убрала.

– Дороговато мне обходишься, детка, – произнес он и взял меня за руку.

Мне это показалось необычным, но понравилось.

Он повел меня к пивному ларьку, где мужик разливал пиво из бутылок в одноразовые стаканы. Каждый стакан вмещал литр, и в жаждущих не было недостатка. «Два», – попросила я и расплатилась, спрятав сдачу. Мы пошли дальше: в одной руке я держала сахарную вату, в другой – литр пива. У большого развала, от края до края украшенного бахромой из киноплёнки, мы задержались. Там стояли коробки с CD и DVD, и куча народа копалась в дисках. Фильмы распределялись по темам: аргентинское кино, премьеры, комедии, порнуха, ужастики.

– Для тебя я обычно покупаю что-то из этих, – Эрнан указал на две коробки, сделав огромный глоток из стакана. На первой было написано «сборники», и на обложке красовалась девица в красных стрингах и колпаке Санта-Клауса. Надпись на второй коробке гласила «латиноамериканские». С нее я и начала – переворачивала конверты и читала названия. Выбрала три штуки. Эрнан попросил показать диски – хотел посмотреть списки песен. Мы то и дело переглядывались и смеялись.

– У тебя на губах налипло что-то розовое, – сказал он, и пиво ударило мне в голову. Пришлось облизать пальцы, чтобы он не жаловался, что у меня и руки липкие.

– Ну-ка, глянем, – с этими словами он придвинулся ближе. А потом поцеловал меня, и я ощутила вкус его губ, пива, мягкого языка и пришла в полный восторг. Мне хотелось продолжения, но Эрнан резко отстранился.

– Давай лучше смотреть диски, а то твой брат меня убьет. Мы оба покатались со смеху. Уж Вальтеру это все точно по барабану!

В конце концов, мы выбрали пять дисков, и Эрнан добавил к ним еще один триллер. Сказал, что потом, если никого не будет дома, мы посмотрим его на приставке. А я ответила, что лучше бы нам где-нибудь перекусить. Мы расплатились, нам все сложили в пакет, я убрала его в рюкзак, и мы направились к прилавкам в глубине ангара. Эрнан успел выхлебать все пиво. Я одолела только половину своего стакана и поэтому отдала ему остаток.

Мы заказали пару чизбургеров и картошку. Долго ждать не пришлось. Сидели за столиком на двоих и ели прямо руками. Поскольку пива там не продавали, только минералку, мы не стали брать никакого питья. Нам хватило и того, что оставалось в моем стакане.

– Картошка вкуснющая, – заявил Эрнан с набитым ртом. – Пойдем к тебе?

Я кивнула. Куда же еще нам идти? Но тут я вспомнила про брата. Я даже не сказала ему, что уехала с Эрнаном.

– Давай сначала купим что-нибудь для Вальтера, – предложила я, и Эрнан сразу зажегся этой идеей.

Не знаю, наши ли гамбургеры пахли так сильно или весь воздух был пропитан этим дымным ароматом. Огромный ангар, где развернулась торговля, не имел ни окон, ни вторых ворот – выходить нужно было там же, где мы и заходили.

Запах еды пропитал и нас самих, и всю одежду на вешалках у прилавков. Если мы что-то купим Вальтеру, то заберем с собой и частичку самой ярмарки. Мысль мне понравилась.

– Откуда деньги взяла? – требовательно спросил брат, но тут же расплылся в широченной улыбке.

– Но тебе нравится?

Он поднял куртку и посмотрел на нее, словно не веря своим глазам, а я вспомнила, как Эрнан примерял ее на себя, и мне стало смешно. Да, фильм нам посмотреть сегодня не удастся. Придется в другой раз.

– Я работаю, Вальтер. Подвернулся шанс. – Поскольку брат молчал, я продолжила. – Помогаю той тетке, что приходила. Она мне заплатила.

На какой-то миг мне показалось, будто Вальтер не расслышал: он не говорил, не двигался, не смотрел в мою сторону и даже не сердился. Вообще ничего. А потом он поднял голову и взглянул на меня:

– Ты уверена, сестренка? Если только ради денег, то оно того не стоит.

– Да ничего не будет! – брякнула я, не думая. – Я уверена.

Брат подошел и поцеловал меня. И сказал, что куртка – супер, интересно, где я ее купила. Я засмеялась.

– Это секрет, Вальтер!

Он унес куртку в свою комнату со словами, что куртка явно не на каждый день и надо приберечь ее для особого случая.

Та же банка на столе, и женщина с серьезным видом сообщила, что на этот раз принесла нужную землю.

– Откуда мне знать? – Мне вовсе не улыбалось лопать землю каждый божий день.

Я нарезала круги по комнате. Тянула время. Пошла на кухню ставить чайник, хотя знала, что смогу пить мате только после того, как все закончится. Мне очень захотелось сказать, что сегодня ничего не выйдет.

– Хотите мате?

Женщина отрицательно покачала головой, и я уныло поплелась на кухню выключить газ.

Я вернулась в комнату. Не глядя на гостью.

– У меня болит живот.

– Вчера я к тебе не приходила, – сказала женщина, и мне стало немного ее жалко.

– Есть что-то новое про Яна?

– Полиция прекратила поиски.

Теперь я на нее посмотрела. Под глазами кошмарные синяки, обвислая шея и подбородок уже начали покрываться сеткой морщин. Но руки казались сильными. Она сидела очень прямо и ждала, пока я не возьму ее банку. Ясное дело, никуда не уйдет, пока не отыщет сына. Она даже начала мне немного нравиться.

Вальтер вышел из своей комнаты, увидел женщину за столом и молча развернулся. Он даже не поздоровался. Я разозлилась, что он так себя ведет.

Иногда мне мерещилось, что если брат вдруг исчезнет, я способна буду заглотить всю землю в доме, уничтожить ее, заставить ее дрожать.

– Давайте, – сказала я, и женщина подтолкнула банку ко мне.

«Надеюсь, на этот раз она все сделала как надо», – подумала я, но не стала говорить вслух. Дурой эта тетка точно не была.

Глотая немного земли, принесенной гостьей, вместо того, чтобы вспомнить про молокососа, я принялась размышлять о поцелуе Эрнана, о сахарной вате, о вчерашнем пиве.

Закрыв глаза, я увидела мальчика.

Я словно вернулась в какую-то давнишнюю ночь. В ночь, которая постепенно сходила на нет, ее уже не существовало, и можно было разглядеть ее только отсюда, в это мгновение, в моей голове.

И парень, казалось, тоже постепенно сходит на нет. Он выглядел обдолбанным. Мужик толкнул его. Ян не плакал, но был явно напуган. Мужчина в зеленом плаще смотрел на Яна. Я уже знала этого человека. И он мне не нравился. Он оценивающе глядел на парнишку. А Ян едва держался на ногах. Глаза его закрывались, а голова моталась из стороны в сторону. Он вздрогнул, стараясь вновь открыть глаза и

сохранить равновесие. Похоже, сам воздух для него превратился в нечто странное и чужое.

Ян упал. Теперь его тело распростерлось на земле. Мужик уселся рядом с ним, повернувшись спиной, а мальчишка, раскroив при падении голову, истекал кровью.

Этот мужчина был его отцом. Раньше он пристально смотрел на сына, а теперь, когда тело лежало на земле, делал вид, что его не существует. Он достал зажигалку из кармана плаща и закурил. Бросил взгляд на сигарету, а потом уставился куда-то вдаль, за завесу дыма, но я не смогла увидеть, куда именно он смотрит. Какое-то время он спокойно курил.

А потом встал на ноги.

Затем он зашагал к машине. Я пыталась разглядеть номера, но не смогла. Открыв заднюю дверь, он вытащил несколько черных мешков. Порылся еще пару минут, но, по-видимому, не нашел того, что искал, и бросил это дело. Он вернулся к Яну, поднял его и начал удаляться, скрывшись вместе с телом мальчика и мешками в высоких зарослях. Я решила пойти за ними, но у меня не получилось. Я больше их не видела, и каждое движение давалось мне с трудом. Как я ни старалась, не могла догнать их. Меня словно парализовало. Я ощущала себя статуей, застрявшей посреди этого кошмара. Посмотрела вниз, чтобы увидеть землю, но мои кроссовки засасывал слой мусора. Посмотрела вперед, чтобы увидеть мужчину, похитившего тело своего сына, но вокруг выросли целые мусорные горы. В мой нос проникла какая-то вонь –

будто разъяренные осы рвались наружу, пытаясь выбраться из моей головы и причиняя мне жуткую боль.

Я открыла глаза. В носу все еще стоял тот запах. Так смердят сбитые собаки на обочине шоссе.

Я посмотрела на женщину – она крепко вцепилась сильными руками в свою сумочку.

Она ждала, пока я заговорю. А я ждала, пока не уйдет этот мерзкий запах.

Не была уверена, что ей понравится мой рассказ.

Эрнан пришел, когда я еще умывалась. Я вновь и вновь подставляла руки под холодную воду – ведь я же никогда не плачу. Глаза резало, руки горели, но худшее – это земля Яна внутри моего тела. Он все еще хотел говорить.

Эрнан поставил музыку. «Бан-бан-бандит», повторялось в песне, и неизвестно почему от этого тоже хотелось плакать. Я вытерла лицо полотенцем и посмотрелась в зеркало. Раньше я никогда не плакала. Мне не хотелось закрывать глаза и видеть то, что земля все еще стремилась показать. Слезы текли сами по себе. Я подумала о той женщине: хоть бы она больше не приходила. Она просила меня посмотреть, а потом не сумела с этим справиться.

«Ты украла мое сердце, как бандит», – пелось в песне, я не хотела слушать. Земля у меня в желудке бунтовала. Этот нелепый мальчишка угнезвился в моем животе, как ребенок впивается в тело матери, в самую его сердцевину.

Необходимо было вытащить его. Я до отказа отвернула краны, чтобы шум воды потихоньку уносил его с собой.

Затем я подошла к унитазу, засунула два пальца в рот и дождалась позыва. Запихнула пальцы еще дальше. Было больно. Наконец меня вырвало.

Я начинала забывать, потому что теперь уже могла избавиться от этой памяти. Никогда не буду матерью. Не хочу.

Не глядя, я вернулась к раковине. Подставила под струю сначала руки, потом плечи, а потом и лицо с воспаленными глазами, которые холодная вода успокаивала настолько, что уже можно было их закрыть. Вода лечит. Я пришла в себя. Вытащила голову из раковины, закрутила краны, наощупь нашла полотенце и медленно, словно лаская горящее тело, начала вытираться. Затем вышла.

С таким видом, будто узрел привидение, Эрнан спросил, что со мной происходит.

– Ничего, – ответила я, – дрыхла без задних ног.

Он замолчал. Наверняка не поверил, но больше ничего не сказал.

Песенка про «бан-бан-бандита» подошла к концу, и я решила, что на сегодня хватит с меня музыки. Жаль Эрнана, но я просто не могла. Подойдя к приставке, я выключила ее.

– Если хочешь, я уйду, – произнес он, распахнув глаза от недоумения.

Словно не обратив внимания, я порылась в стопке дисков около приставки, выбрала конверт и помахала им в воздухе.

– Сегодня лучше поучи-ка меня играть в игрушки.

* * *

Когда на экране всплыло название «Round 1 Fight»², я

² «Round 1 Fight» – фраза из компьютерной игры-файтинга серии «Mortal Combat».

приступила к действию.

Эрнан говорил, что если я буду смеяться, то не смогу играть, и я старалась сдерживаться. Вначале с дикой скоростью жала на все кнопки подряд. Но мой герой не защищался, а только отпрыгивал назад, и Эрнан помирал со смеху.

– Ты должна изучить список приемов – фреймдату, – ска- зал он.

Я понятия не имела, о чем речь.

– Какой такой список?

– Заканчивай этот раунд, и я покажу.

Я сражалась против Шивы. Ее тело было темным, и она имела все шансы меня уколошить своими шестью мускулистыми ручищами. Корсет у нее, как и у всех прочих женских персонажей «Mortal Kombat», выставял сиськи на всеобщее обозрение. В игре я для себя выбрала Саб-Зиро, потому что он мужик. Мне не хотелось беспокоиться за пару гигантских титек, даже если речь о видеоигре. Сама-то я худышка.

– Дай-ка мне, – попросил Эрнан, после того как я победи- ла Шиву. – Смотри.

Он нажал клавишу, и на экране телевизора появился спи- сок специальных приемов. Вперед-вперед – удар кулаком. Вперед-вниз – удар ногой. И всякие подобные комбинации. А в конце списка – «фаталити» – добивающие приемы.

Я вернулась к схватке. Мне выпало биться с Рейденом. Удалось пару раз вдарить ему ногой, но этот тип тут же окле- мался и набросился на меня. Тогда я вспомнила про специ-

альные приемы. С огромным удовольствием подождала пять секунд, пока Саб-Зиро наполнит свои ладони льдом и бросит его во врага, чтобы того сковало морозом. А потом подобралась вплотную к Рейдену и врезала так сильно, что его тело отлетело прочь и ударилось о землю.

Рейден поднялся для контратаки, и я нажала на паузу.

– Если будешь все время тормозить игру, так дело не пойдет, – укорил меня Эрнан, но я тут же напомнила ему, что он сам настаивал на том, чтобы я научилась пользоваться приемами.

– Я даже еще толком не забрала у него силу, – ответила я, снова нажимая «старт» и останавливая игру.

– Ну до чего же ты хитрая, детка! – сказал он, и мы заرجали.

– Последний разочек – и все! – пообещала я, хотя это было вранье.

– Ну-ну, – расхохотался Эрнан. – Тебе так хочется победить, что ты даже не учишься играть.

Я притворилась, что сержусь, чтобы не признавать, что он прав. Но тут же снова обратилась к списку приемов. Попробовала одну фишку с джойстиком, и вроде бы у меня получилось. Я была готова и нажала «старт». Приблизилась к Рейдену, вновь попыталась сделать комбо, и на этот раз успешно. Моя атака съела львиную долю его запаса энергии, и на экране появились слова: «Добей его!». Рейден, покачиваясь, торчал посреди поля, и я с ним расправилась.

Когда мама умерла, я долгое время боялась, что тетя и Вальтер тоже могут умереть. Тетка-то меня мало заботила, а вот думать про Вальтера было невыносимо. Я закрывалась в комнате и рыдала час за часом. Потом я начала размышлять о том, что и я могу умереть, и даже пыталась вообразить, как это будет, но не смогла. И поскольку у меня не вышло представить себя умирающей, я представила себе собаку, которая подволакивает лапу. У нее в позвоночнике росла опухоль, и я старалась увидеть, как этот пес хромает вдоль дороги по нашему району, мимо моего дома, и как он все сильнее обдирает эту лапу о землю. Опухоль росла, как растет грудь у девочек-подростков. Собака, совсем отощавшая, уже не хотела ни есть, ни шевелиться. И я представляла, как она бьется в агонии у нашего забора, и в ее теле переживала собственную смерть.

Рейден был уничтожен, и я запрыгала, как ненормальная. Эрнан тоже. Мы обнялись. Он только собрался поцеловать меня, как дверь открылась и вошел Вальтер.

Вот уже две недели я играла в приставку.

Вначале я не знала, что выбрать – музыку или игры. А потом стало ясно: днем – игра, а музыка – перед сном.

Было воскресенье, и Вальтер не работал. Я страшно радовалась, что меня впервые позвали играть вместе со всеми. Мысленно я повторяла список приемов. Способности Саб-Зиро, Сони и Рейдена я помнила хорошо. А вот с остальными имелись проблемы.

Каждый, кто приходил, ставил пару бутылок пива в холодильник. Это должны были сделать все гости. Только потом они заходили в комнату и искали себе место. Там уже яблоку было негде упасть. Сидели, посасывая пиво, на кровати, на полу, на банкетке – комната оказалась набита под завязку.

– Кто усядется задницей на мою подушку – убью! – пригрозил Вальтер.

Эрнан еще не пришел. Сперва я пыталась делать вид, что все нормально, но мне хотелось, чтобы он поскорей появился. Вот как так – две недели мы тренировались вместе, а именно сегодня ему взбрело в голову сачкануть?

Но Эрнан пришел. Поздоровался со всеми и показал какой-то пакет.

– Лежал у входа, – сказал он. – Жуть, какой тяжелый!

– Это наверняка журнал Вселенской церкви³ – предположил Вальтер, сидевший на полу около двери.

Эрнан подошел к кровати, где сидела я. Для этого ему пришлось обогнуть несколько человек.

– Держи-ка, – произнес он и протянул мне пакет.

Все посмотрели на меня, и я под взглядом всех этих чувачков взяла посылку с таким видом, будто ничего особенного не происходит.

– Что за фигня? – поинтересовался Вальтер.

Я не ответила. Встала с кровати и, перешагивая через ноги сидящих на полу гостей, вышла из комнаты. Эрнан занял мое место.

Во всех помещениях в доме толпился народ, поэтому пришлось спрятаться в ванной. Брат зашел следом и посмотрел на меня. Я показала ему пакет – доскаты, вон какой толстый! Вальтер велел мне его открыть, затем захлопнул дверь и прислонился к ней, чтобы нам никто не помешал.

Я держала пакет в руках. Видно было, что на дне лежит что-то тяжелое, а перетянут он очень надежно, чтобы не развязался. Веревочку я перегрызла зубами; причем не удержалась и бросила взгляд на зеркало как раз в тот момент, когда оскалилась и впилась в нитки. Тот еще видок. Я закрыла рот. Попыталась взбить волосы, чтобы хоть немного стать похо-

³ Название «Вселенская церковь» чаще всего ассоциируется с бразильской евангелической церковью, известной как Церковь Вселенской веры, имеющей представительства во всем мире.

жей на саму себя. Потом сняла веревку и снова посмотрелась в зеркало.

Я открыла пакет: там лежала газета. Пролистала до страницы, где красным фломастером было написано «спасибо» и этим же фломастером была обведена заметка: «Скрывающийся от правосудия ветеринар – единственный обвиняемый в деле о смерти юноши с особенностями развития». Это оказался мужчина, которого я прежде видела. На этот раз без зеленого плаща. На фотографии в газете он выглядел намного моложе: наверное, его снимали до того, как он стал отцом Яна.

А в глубине пакета обнаружилась внушительная пачка денег. Мне совершенно не улыбалось их пересчитывать, так что брату пришлось взять это на себя.

Я же продолжала смотреть на фотографию мужчины. Конечно, в газете указывалось его имя, но мне не хотелось его знать. Я поднесла снимок ближе, думала найти что-то в его глазах – но нет, это были два обычных глаза, которые ни о чем не говорили. Интересно, кто-нибудь помнит, каким он был до того, как стал отцом? После того, как он им стал, я его видела.

Вальтер не спеша пересчитывал купюры. Закончив, он объявил:

– Уфф... Целое состояние! Хватит даже на «Play Station 4», – но ни он, ни я даже не улыбнулись.

В газете была напечатана также черно-белая фотография

Яна. Он тоже не улыбался и смотрел вверх. Я подумала, что если бы тогда находилась рядом с ним и попыталась проследить за его взглядом, то выяснилось бы, что парнишка смотрит в никуда или, по крайней мере, на то, что мне не дано увидеть. Надпись под фото гласила: «Тело было обнаружено в...», но я не стала читать дальше.

Я закрыла газету и отдала ее Вальтеру.

Через несколько дней после этого мы остались без телефона.

Нас это не удивило. Порой я думала, что нас уже вообще ничто не способно удивить, можно привыкнуть ко всему, пока мы вместе – мой брат и я.

Нас это не удивило, потому что мы почти никому не звонили, и нам никто не звонил. Друзья заявлялись к нам домой этак запросто, а чужие даже и близко не подходили. На следующей неделе после того, как пришла посылка, телефон звякнул несколько раз, кто-то из нас взял трубку и услышал:

– Ну все, тебе не жить, засранка!

Брат разозлился, ножиком перерезал шнур и – прощай, телефон.

В первые дни Вальтер не ходил в свою мастерскую и оставался со мной.

Плохи дела.

Брат с подозрением смотрел на мобильные телефоны, на входную дверь, на проезжающие машины и даже на тех редких бегунов трусцой, которых случайно заносило в наш квартал. Он запер все, до чего мог дотянуться. И дом, и нас в нем; мы так и сидели целыми днями в темноте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.